

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКА

Она — жена продюсера Александра Шульгина. Он — муж Аллы Перфиловой. Популярной поп-певицы и матери-героини, более известной под псевдонимом Валерия. Вместе они родили трех детей. В промежутках записали несколько альбомов, композиции с которых полюбили радиостанции и поклонники нежного женского вокала.

Их очередное детище — альбом под названием «Глаза цвета неба». Новая пластинка — повод побеседовать.

На интервью Валерия пришла с мужем-дирижером. Шульгин был уверен: лучшая помощь — говорить за нее. Тихие интонации певицы тонули в поставленном голосе родственника-продюсера. Который не успевал повторять: Валерия — самостоятельная творческая единица

Справка «Новой газеты»

Раньше Александр Шульгин работал в ФСБ. В свое время занимался политическим пиаром. Затем активно шагнул в шоу-бизнес. В пору развития отечественной музыкальной индустрии основал звукозаписывающую компанию «Рек рекордз» (она же «Бекар»). На этой почве успел выгодно договориться с важными людьми на ТВ-6 — Демидовым и Горожанкиным. Шульгин обеспечивал им долю в «Рек рекордз», они предоставляли эфир его подшефным на ТВ-6.

Александр Шульгин стоял у истоков «Русского радио». Был первым, кто издал альбомы «Иванушек» и «Мумий-Тролля».

● Ю. С.

— Алла, как вы относитесь к тому, что многие связывают ваше творчество исключительно с вашим мужем?

— В.: Очень хорошо отношусь. Уже давно просто жизнь и просто работа переросли во что-то неразделимое. Я считаю, что нашла своего автора, этим может похвастаться далеко не каждый исполнитель.

— Насколько вы зависите от мужа? К примеру, вы высказываете свою точку зрения при подборе песен?

— В.: Конечно, это же я пою...

— Ш.: (жене): Видишь, уже сложились стереотипы. Все сами все знают и понимают. Видите ли, сейчас у нас на эстраде существуют разные куколки, которые выходят и имитируют вокал. Но если в твоём выступлении нет чувства, это сразу заметно. Можно сделать человека известным, и его будут узнавать на улице, но не любить. Я всегда смеюсь, когда говорят: я директор и продюсер Феди Пупкина. Можно быть директором коллектива Пупкина, а не человека. А так что же получается — ты его мама или папа, что ли? Можно быть продюсером программы, шоу, альбома, видеоклипа, то есть выполнять менеджерские функции — организовать тур, сделать так, чтобы на концерт пришел народ. Дело продюсера — создать артисту наиболее комфортные условия для творческой деятельности.

— Алла, как живется женщине в условиях нашего шоу-бизнеса?

— В.: Мне кажется, женщина, мужчина — это неважно. Главное для исполнителя — уметь достучаться до публики. Очень важно овладеть своей профессией, сделать так, чтобы тебя заметили, чтобы ты был интересен как человек. Здесь много разных составляющих: репертуар, фирма грамзаписи. Кто-то хочет, чтобы все это подавалось на блюдецке, но так не бывает — за всем стоит огромный труд.

Ш.: Очень просто разнести пухлые конверты по редакциям и получить отличный пиар. У кого-то есть нечто заменяющее эти конверты — знакомства, связи и т.п. Это тоже не самое честное оружие. Если исполнитель хочет быть честным, он встречается с журналистами и высказывает свою точку зре-

ния, несмотря на то что издание может быть нацелено как-то по-другому.

— Вы начинали с исполнения романсов, а сейчас перешли к более современной, молодежной музыке. Не боитесь потерять старую аудиторию?

— В.: Напротив, мы приобретаем новых поклонников. Среди них и молодежь, и взрослые люди, и пожилые. Это самые разные люди, которых что-то объединяет. Удивительная, ни на что не похожая публика.

— Вы сказали, что вам приходится работать в поп-музыке. Что значит «приходится»?

— Ш.: Все, что происходит на нашей эстраде, — это популярная музыка. Рок-музыка уже вообще не существует. Есть ребята, которые плохо играют на гитаре, плохо поют и называют себя рок-группой. Есть вкрапленные мата в тексты, что сейчас дико популярно. Но нет того message, который свойствен настоящим гуру, харизматическим лидерам. Посмотрите на любую группу, которая считает себя популярной, как отчаянно ее участники обсуждают денежные вопросы при заключении договоров, контрактов, как они ноют, что им мало платят. У нас каждую неделю появляются новые музыканты, им тут же собирают мощную пресс-конференцию, но у них нет ни багажа, ни опыта, им сказать нечего. С другой стороны, есть популярная музыка. Хорошая или нет — это другой вопрос.

— Чем, по-вашему, наш шоу-бизнес отличается от западного?

— Шоу-бизнес в России более мелкий, плохо структурированный. Отсюда отсутствие главного сегмента — такой профессии, как управленец. Нет элементарных экономических составляющих, уровень доходности не такой высокий. Здесь можно сетовать на общий уровень жизни населения, его низкую покупательную способность.

— Как вы расцениваете появление на нашей эстраде так называемых певиц-однодневок?

— Ш.: Это явление будет всегда, как у нас, так и за границей. Фирма грамзаписи на Западе на бюджет хорошего артиста может записать десять — пятнадцать однодневок, которые также продвинутся в чартах и будут на первых местах. При этом сам коллектив будет хорошо зарабатывать, может, например, за десять тысяч марок приехать в московский клуб выступать. К тому же сейчас развелось столько радио-

ВАЛЕРИАНА

станций, надо же им эфир чем-то занимать. Есть очень много людей, которые могут удачно спеть песенку, не являясь при этом чем-то необыкновенным. Плюс сыграла большую роль технологическая индустрия — сейчас студию записи заменяет компьютер, на котором можно набрать нужные файлы, добавить одни и те же «у-ля-ля» — и поехали. Как правило, это приводит к массе минусовых проектов, которые закрываются в течение полугода.

— Каков же секрет долголетия на нашей эстраде?

— Ш.: Честность. Перед собой и своим слушателем. Звезды, назначенные сговором средств массовой информации и продюсеров, дают единственный концерт — и о них все забывают. Быстренько выдумывается новый культ. А люди, которые не выставляются в таком свете, ездят, ездят и ездят, потому что зритель ходит, ходит и ходит. Мы не работали с Москвой, не встречались, не разговаривали, не показывали себя. Здесь Валерию не знают. Слышали две-три песни по радио, видели клип и причисленное выступление в «Песне года». А у каждой пластинки есть две стороны. С одной стороны, то, что хочет видеть фирма грамзаписи, с другой — то, что, собственно, представляет собой музыкант. К сожалению, эта вторая сторона Валерии Москве неизвестна. Зато она известна городу Томску, куда мы приехали уже шесть или семь раз.

— Почему же вы так обделили Москву?

— Ш.: Сольные концерты в Москве нужно планировать практически за год. Все забито. И как только мы планировали концерт, у нас в семье ожидалось очередное пополнение. Сейчас вроде бы тыфу-тыфу.

— В.: Ну сейчас-то уже до концерта точно никто не родится.

— Ш.: А жаль.

— Вы хотели бы, чтобы ваши дети попали в шоу-бизнес?

— В.: Нет, потому что это очень непростой мир. При внешней кажущейся праздничности это очень тяжелый труд. А мы хотим, чтобы у наших детей была более простая, менее проблемная жизнь.

● Беседовала Алла ГЕРАСКИНА

— Ш.: А почему вы считаете, что романсы — это не молодежная музыка? Сходите на концерт классической музыки или авторской песни — там молодежи никак не меньше, чем в той же Горбушке. Жанр популярной музыки, в котором нам приходится работать, очень широк. И каждый коллектив — все эти «мумий-тролли», «сплины» — занимает свою узкую нишу. А музыка должна быть разноплановой, исполнитель должен затрагивать срез возрастной, вкусовой, половой, социальный. Сейчас молодежь очень внушаема, особенно та, которая работает или учится в одних и тех же кругах. Вот, например, у начинающих журналистов сейчас модно ходить на какие-то там «нашествия». А можно подумать, что остального мира не существует. Ничего подобного! На концерт модного, раздутого столичными масс-медиа исполнителя, который в Москве залы собирает, за пределами колыцевой никто не придет.

— А не потому ли приходится в ней работать, что она коммерческая?

— Ш.: А какая музыка не коммерческая? Рок? Эти новоявленные, слепленные на скорую руку коллективы? Содранные либо со старших товарищей, либо с зарубежных собратьев? Суть-то одна и та же. Даже андерграунд в свое время становится прибыльным. Любой качественный андерграунд перетекает в мейнстрим, чтобы зарабатывать на своей музыке деньги. До того, как войти в мейнстрим, ребята рубятся в клубах за 100 долларов, мечта вылезти на большую сцену. Но так как они еще мало закручены круговоротом съемок, интервью и прочими атрибутами шоу-бизнеса, у них больше остается времени для экспериментов в подвалах. Уже потом появляются деньги. Я не знаю такого исполнителя, которому предложили бы большую раскрутку, а он сказал бы: нет, я андерграунд!